

Всем привет. Зовут меня Чжоу Дачуань. Стукнуло мне в этом году... ну, скажем так, около тридцати шести лет. Рост — метр восемьдесят один, вес — под семьдесят кило, на животе отчетливо проступают шесть кубиков пресса. Зрение у меня специфическое: левый глаз двести сорок, правый — двести шестьдесят, а в среднем выходит двести пятьдесят. Для знающих людей цифра говорящая: вылитый недотепа, если по-нашему.

Вы, небось, спросите: это как так — «около тридцати шести»? О, тут целая история. Наш брат китаец страсть как любит высчитывать возраст по лунному календарю, где то високосный год вылезет, то добавочный месяц впихнут. А мне «повезло» родиться как раз в такой високосный месяц. В итоге я ни с того ни с сего оказался на целый год старше своих сверстников.

Мой дед попал в эти края во времена великого переселения на Северо-Восток. Бежал от голода, почитай, босым: в карманах ни гроша, на ногах — один-единственный порванный башмак. Четверо братьев, один мешок с сухарями на всех — так они со сплошным потоком беженцев и добрались до крошечной деревушки под Горным городом в провинции Цзи. В те годы северо-восток Маньчжурии, у хребта Чанбайшань, был диким, богатым краем: зверья полно, целебных трав — косой коси, а главное — там всюду копали золото и серебро. Вот на один из таких приисков дед с братьями и нанялся. А если без прикрас, так чертовы япошки просто заманили их в горы и превратили в бесправных каторжан. Кончилось тем, что братья сбежали к партизанам и три года честно отвоевали в рядах Антияпонской объединенной армии.

Когда они ушли в сопки, деду едва исполнилось шестнадцать, а его старшему брату, моему первому дедовскому дяде Чжоу Доуцзяо, было двадцать три. Сейчас, когда в семье вспоминают ту четверку, все только диву даются. И правда — настоящее чудо! В партизанских отрядах вечно не хватало ни патронов, ни лекарств, вдобавок несколько раз натыкались на гнид-предателей. Из местных-то мало кто уцелел, а эти четверо чужаков умудрились пройти через ад, дожить до самого Освобождения целыми и невредимыми, спуститься с гор, обзавестись семьями да нарожать детей.

Видать, партизанское прошлое крепко засело в дедовой голове, потому как сыновей он назвал строго в духе времени. Старшего нарек Хунцзюнем — в честь Красной армии, второго — Сыцзюнем, третьим родился мой отец, получивший имя Цзефан — в честь Освобождения, а самого младшего дядьку назвали Чжиюанем — в память о народных добровольцах.

Старший дядя Чжоу Хунцзюнь — мужик простой, от земли. Они со старшей тетей вырастили троих сыновей. Живут они вместе с моей бабушкой в старом дедовском доме. Хозяйство у них по деревенским меркам крепкое: пятнадцать му пашни да еще двадцать му лесного угодья на склонах. В общем, не бедствуют.

Второй дядя, Чжоу Сыцзюнь, выбился в люди больше всех в нашем роду. Едва в стране возобновили государственные экзамены, он умудрился поступить в техникум. После выпуска вернулся в уезд и устроился в полицию простым опером, а к тому времени, как я пошел в старшие классы, успел дослужиться до замначальника городского управления и с этой почетной должности уйти на пенсию.

Отец мой, Чжоу Цзефан, оказался ни то ни сё. Бабушка еще при родах заметила, что с

мальчишкой что-то не так: родился он с врожденным уродством. Подросток — ни к тяжелой крестьянской работе приставить, ни к учебе. Школу он забросил рано, вернулся домой, да только толку от этого было мало — обуза, да и только.

Да, забыл сказать: правая ступня у него была искривлена. Из-за этого отец сильно хромотал, при долгой ходьбе ногу раздувало, и она начинала нестерпимо ныть. Лет в двадцать он пристроился к одному местному травнику — учился собирать и обрабатывать лекарственные корни. Поначалу, понятное дело, копейки не получал. А в деревне без гроша за душой нормальной девке ты даром не нужен. К тридцати годам отец наконец набрался опыта, вышел в люди и начал прилично зарабатывать, но тут опять незадача: видные невесты воротили нос от калеки, а на дурнушек он сам смотреть не желал. Так и тянул лямку холостяка, пока в тридцать пять наконец не распрощался со своей пятипалой подружкой и не зажил нормальной мужицкой жизнью — с женой под боком и детьми на печи.

Младший дядя, Чжоу Чжюань, с малых лет рос парнем хитрым и смазливый. Лет в семнадцать бросил учебу и подался в уезд зашибать денег на рынке. Если отец не мог найти жену из-за безденежья, то у Чжюаня за душой тоже не было ни гроша, зато девки за ним табунами бегали и сами готовы были приплатить, лишь бы обратил внимание. Теперь представьте, какова моя младшая тетка! Мало того что она умудрилась обойти кучу конкуренток с приличным приданым, так еще и зажала этого кобеля в такие тиски, что он у нее теперь шелковый ходит. Баба-камень!

Вообще, Чжоу в нашей деревне — клан авторитетный и многочисленный. У деда было трое братьев, у отца — трое, да еще пятнадцать двоюродных. В моем поколении тоже девчонками не пахло: у старшего дяди три пацана, у второго — один, у младшего — двое. Вместе со мной только по нашей прямой линии выходило семеро парней. Если посчитать всех родственников до третьего колена, то до моих двенадцати лет в роду Чжоу не родилось ни одной девки. Сплошное мужское царство.

Но стоило мне разменять тринадцатый год, как матушка преподнесла сюрприз — родила сестренку. В те годы повсюду гремела госпрограмма «одна семья — один ребенок», но у нас в деревне на эти законы плевали с высокой колокольни. Кто ж от лишних рабочих рук откажется?

Назвали её Чжоу Сяосяо. Только вот сдается мне, заплачет девка, когда вырастет и соберется замуж. У нас ведь как заведено? Шури для зятя — фигура страшная, грозная. А уж в день свадьбы братья невесты душу из бедолаги-жениха вытрясут, прежде чем допустят к алтарю. А у нашей Сяосяо двоюродных и троюродных братьев в пределах пяти колен — без малого тридцать душ. Попробуй с такой оравой договорись!

Чтобы рассказать о маме, придется сначала упомянуть моего второго дядю, Чжоу Сыцзюня. Только не подумайте ничего дурного — никакой пошлой семейной санта-барбары тут нет и в помине.

В общем, дело было так. Зимой восемьдесят первого года дядя, едва получив диплом и заступив на должность начальника отдела в нашем уездном управлении общественной

безопасности, возглавил облаву. Накрыли они тогда крупную банду работоторговцев, которая промышляла похищением женщин и детей по всей стране. По тем временам дело вышло резонансное, союзного масштаба. Говорили даже, будто дядю по телевизору показывали. Сам я передачу не видел, врать не буду, но судя по тому, как шустро он после этого пошел на повышение в город, слухи не вразли.

Тогда опера вызволили двенадцать несчастных женщин и восьмерых ребятешек, которым и трех лет не исполнилось. Как только ориентировки разошлись по стране, в наш уезд хлынул поток звонков, писем и визитеров. Люди поднимали все связи, ехали целыми семьями в надежде отыскать своих пропавших близких. Городок наш гудел как потревоженный улей месяца два, не меньше.

Но были и те, за кем никто не приехал. Моя мама оказалась в их числе. Возвращаться ей было некуда, да и не хотелось. В итоге уездные власти пошли навстречу и помогли ей оформить местную прописку. Жить маме поначалу было негде, и дядя Чжоу Сыцзюнь, как ответственный за расследование, временно приютил её у себя дома. Заботу о ней взяла на себя его жена, моя вторая тетка. Она по тем временам считалась барышней образованной — окончила техникум и работала в местном женсовете, так что мамина беда как раз попадала под её ведомство. Именно тетка устроила маму бухгалтером в уездную начальную школу. А дядя, копаясь в спасенных документах, случайно обнаружил, что у мамы имеется профессиональное свидетельство счетовода.

О своем прошлом и семье мама никогда не распространялась — словно отрезала ту жизнь. Знакомые, видя её нежелание ворошить старое, вопросов не задавали. Даже моя острая на язык младшая тетка ни разу в жизни не позволила себе уколоть маму сиротством или происхождением.

С отцом они познакомились как-то буднично. Уж не знаю, чем этот хромой нескладный парень приглянулся городской красавице, но искра между ними проскочила знатная. Поженились они быстро, да так, что под венец мама шла уже, судя по всему, с брюшком — не прошло и года после свадьбы, как на свет появился я.

С первого взгляда в ней угадывалась южанка: утонченные черты лица, безупречная осанка и благородная бледность. О красоте её и говорить нечего — младшая тетка на мамином фоне выглядела блеклой деревенской простушкой. Но главное — мама была женщиной глубоко образованной. Именно она с пеленок гоняла меня по классическим канонам: «Троесловию», «Ста фамилиям» и «Тысячесловию». Поначалу книг у нас в доме не водилось, так она на память зачитывала строчку, а я за ней бубнил как попка-попугай. Как только заучивал наизусть — брался за тетрадь: мама выводила иероглиф, а я послушно вырисовывал палочки.

Короче говоря, мое детство, если судить по строгим меркам, было сущим адом, зато вся родня ходила довольной донельзя.

Доходило до того, что всех деревенских сорванцов, которые были младше меня лет на десять, родители на каждые каникулы сплавляли к нам. Приносили с собой узелки с едой, сдавали маме с рук на руки и оставляли страдать вместе со мной. Хуже всего было то, что эти

малолетние бандиты, державшие в страхе всю уездную школу, в нашем доме мгновенно превращались в шелковых ангелочков. Прилежно сидели за партами и выводили черточки.

Я долго не мог взять в толк, с чего вдруг такие перемены. Понимание пришло только в пятнадцать лет, когда я сам впервые по-настоящему влюбился.

Да твою ж дивизию! Если бы перед ними сидела писаная красавица и ласкала слух своим невероятно нежным, певучим южным говорком, эти сопляки бы сами наизнанку вывернулись, лишь бы показаться приличными людьми!

<http://bllate.org/book/20253/2105760>